
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Самокритика возникновения марксизма (**Размышления в связи с выходом книги Т.И. Ойзермана «Возникновение марксизма»¹**)

Большинство российских гуманитариев старшего поколения были марксистами. Для многих из них книга Т.И. Ойзермана «Формирование философии марксизма» (М., 1962) стала пособием при изучении становления марксизма. Она подготовлена на основе курса лекций под тем же названием, который автор читал в 1947–1955 гг. студентам философского факультета МГУ. В то время он был ортодоксальным марксистом, доцентом, затем профессором и заведующим кафедрой истории западноевропейской философии.

Несмотря на ортодоксальность, этот курс выделялся нацеленностью на поиск истины – истины фактов жизни и эволюции мыслей молодых Маркса и Энгельса, насыщенной противоречиями логики их движения от идеализма к материализму, от демократического радикализма к революционному коммунизму, авторам «Манифеста Коммунистической партии» и организаторам этой партии. Будучи студентом философского факультета, я слушал этот курс в 1952–1953 учебном году. Как многие его слушатели, я был впечатлен той картиной становления марксизма, в особенности его философского учения, наполненной острой, подчас драматичной борьбой против иных теоретико-идеологических течений, постоянными размежеваниями с попутчиками – доказательной и яркой картиной, которую рисовал молодой профессор.

Монография получила высокую оценку научной и широкой общественности: появились положительные рецензии в журналах «Коммунист», «Вопросы философии». Последовало второе, доработанное ее издание на русском языке (1970), затем третье (1986). Она была включена в учебные курсы в вузах. Книге были присуждены Ломоносовская (МГУ, 1965) и Государственная (1983) премии. Она переведена в Японии, Польше, ГДР, ЧССР, Венгрии, Южной Корее; советское издательство «Прогресс» выпустило ее на английском языке. Ее автор перешел из

МГУ на исследовательскую работу в Институт философии АН СССР, позднее РАН, где издал ряд трудов по истории западноевропейской философии и теории историко-философского процесса, около 20 лет заведовал сектором, затем отделом истории философии, стал академиком РАН, ныне советник РАН.

И вот теперь, почти через полвека, акад. Т.И. Ойзерман опубликовал переработанную монографию 1962 г., назвав ее «Возникновение марксизма». Какие цели, задачи поставил он перед собой? В предисловии автор пишет, что видит свою цель прежде всего в том, чтобы в новых исторических условиях освободить прежнюю монографию «от догматических утверждений и догматического стиля изложения вообще» (с. 20). Не следует думать, что речь идет лишь о стилистических исправлениях и частных уточнениях. Их, конечно, немало, как и дополнений актуальными аспектами, характеристиками новой литературы. При этом структура новой монографии, ее оглавление в основном воспроизводят прежнюю книгу: те же две части, пять глав и их подразделы; конечно, с некоторыми изменениями формулировок и перестановками отдельных подразделов. Автор отмечает, что наиболее радикальной переработке подвергся последний подраздел – о «Манифесте Коммунистической партии». И это не случайно.

В самом деле, Т.И. Ойзерман переосмыслил прежнее свое понимание марксизма и процесса его становления, оценки его содержания, этапов. Он осуществил эту исследовательскую работу с *принципиально новых теоретических позиций*, которые он выработал в последние 20 лет, стремясь освободиться от прежних, искренне усвоенных мифологем и внешних идеологических ограничений. Это позволило автору получить новые научные результаты в различных областях истории философии и философии в целом. Они опубликованы в ряде циклов статей и в монографиях: «Философия как история философии» (1999), «Марксизм и утопизм» (2003), «Оправдание ревизионизма» (2005), «Проблемы: социально-политические и философские очерки» (2006), «Метафилософия» (2009). Новым научным результатом стала и рассматриваемая монография. В ней

¹ Ойзерман Т.И. Возникновение марксизма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2001, 598 с.

автор сумел существенно глубже и объективнее оценить действительные достижения и заблуждения Маркса и Энгельса, не снижая культурно-историческое значение марксизма и отстаивая его научный статус. В том числе ранее апологетическая характеристика ленинских оценок этапов становления марксизма, нередко завышенных и акцентирующих якобы приверженность Маркса насилию в революционных действиях (выпячивание темы диктатуры пролетариата и т.п.), сменилась преимущественно критической характеристикой этих оценок.

Сказанное делает понятным, сколь непростую задачу представляет более или менее развернутый отклик на эту монографию Т.И. Ойзермана. Я имею в виду не рецензию реферативного характера, а содержательное отношение к представленным в ней новым результатам. Особенно если учитывать, что они, с одной стороны, в немалой степени опираются на совокупность результатов, которые получены автором в последние 15–20 лет и изложены в названных монографиях, – это делает необходимым прямо или косвенно учитывать их. С другой стороны, существенная часть результатов в новой монографии относится не только к этапу возникновения марксизма, но и к последующим этапам его эволюции, в том числе после кончины его основоположников, вплоть до современного этапа его самокритики и восприятия его сторонниками и противниками. Естественно, не предполагается сколько-нибудь подробное их рассмотрение, но их также приходится принимать во внимание, учитывая их высокую актуальность. Наконец, как автор исследования о молодом Марксе², я чувствую также дополнительные обязательства самокритичного отношения к своему исследованию; но в предлагаемых «размышлениях» мне пришлось отказаться от такого намерения, чтобы избежать смешения жанров. Тем не менее я искренне благодарен своему учителю за вдохновляющую возможность по-новому и более систематично осмыслить обширный круг волнующих меня проблем.

В предисловии к новой монографии Т.И. Ойзерман пишет: «Что касается моих собственных теоретических позиций, то я их определил в 2006 г. как *самокритику марксиз-*

*ма*³. И данное исследование представляет собой продолжение этой самокритики» (с. 20). Соответственно, мы можем охарактеризовать его монографию как опыт самокритики возникновения марксизма. В содержании этой самокритики можно выделить три слоя: 1) критическую самооценку Марксом и Энгельсом своих прежних взглядов по мере перехода к новым этапам своих воззрений; 2) восприятие Марксом и Энгельсом объективной «критики» становления их воззрений самим ходом исторических процессов, новыми теоретическими и идеологическими, социально-политическими и экономическими событиями; 3) исследование Т.И. Ойзерманом процесса возникновения марксизма с позиций его «самокритики», включая самокритичную оценку результатов прежнего своего рассмотрения этого процесса. Кратко охарактеризуем названные три слоя, сосредоточив внимание на третьем из них.

Марксу и Энгельсу подчас приходилось публично подвергать критике свои прежние взгляды, несмотря на немедленно следовавшую язвительную критику со стороны идеологических противников. А в переписке между собою или с близкими по духу людьми примеров их самокритики немало. Еще больше ее в авторской работе над своими текстами. Как свидетельствовал Энгельс, при работе над «Капиталом» Маркс подвергал свои тексты строгой критике, стараясь «разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем опубликовать их»⁴. Самокритика свидетельствует о мере осознания основателями марксизма эволюции своих взглядов, переходе к новым позициям.

Нередко такое осознание отставало от фактических переходов. Т.И. Ойзерман обычно фиксирует подобное отставание как несоответствие между новым содержанием и старой терминологией, в которой оно выражено. Наряду с этим, в отдельных случаях он акцентирует и стихийное, не сразу осознававшееся Марксом и Энгельсом содержание эволюции их взглядов, что естественно для творческого процесса. По дискуссионному вопросу о времени создания

³ Т.И. Ойзерман ссылается на сборник своих статей «Проблемы: социально-политические и философские очерки» (2006), в который включена и статья «Самокритика марксизма – категорический императив интеллектуальной честности». Добавим, что статья под таким названием была опубликована в сб. «Теория и практика марксизма» (2002), а еще раньше он опубликовал статью «Принципиальные основы самокритики марксизма» в журнале «Свободная мысль» (1993, № 7 и 1994, № 11).

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 790.

² См.: Латин Н.И. Молодой Маркс. М., 1968; 2-е изд., 1976; 3-е изд., дополненное, 1986. 2-е издание этой книги удостоено Государственной премии за 1983 г. в составе цикла исследований формирования и развития философского учения К. Маркса, который, кроме названной, включал также книги Т.И. Ойзермана «Формирование философии марксизма» и В.П. Кузьмина «Принцип системного подхода в учении К. Маркса».

Марксом незаконченной рукописи «К критике гегелевской философии права» Т.И. Ойзерман выдвинул интересное предположение: опираясь на упоминания в письмах Маркса 1842 г. о работе над статьей, которая представляет собой критику гегелевского естественного права, он полагает, что Маркс начал работу над указанной рукописью еще в 1842 г., а в 1843 г. продолжил ее (с. 197–201). Эта гипотеза нуждается в дальнейших исследованиях⁵.

Словом, первый слой самокритики возникновения марксизма, осуществлявшейся его основоположниками, далеко не сводится к фактам их явной критической самооценки своих воззрений. Он включает и латентные, во многом психологические аспекты, имеющие, однако, методологическое значение.

Второй слой самокритики – восприятие Марксом и Энгельсом объективной «критики» становления их воззрений самим ходом исторических процессов, новыми теоретическими и идеологическими, социально-политическими и экономическими событиями. По этим вопросам в монографии Т.И. Ойзермана представлен богатый материал: как *pro* (конструктивный ответ на новые события), так и *contra* (разрыв со своими прежними воззрениями и нынешними их сторонниками). По оценке автора монографии, «одной из важнейших особенностей процесса формирования марксизма является постоянное размежевание со всякого рода попутчиками: сначала с буржуазным либерализмом, затем с мелкобуржуазной демократией, в том числе и мелкобуржуазным социализмом» (с. 489).

Обратимся к третьему, основному для задач данной статьи, слою самокритики – критическому исследованию Т.И. Ойзерманом процесса возникновения марксизма, включая самокритичную оценку результатов прежнего его рассмотрения этого процесса, с принципиально иных позиций. Вначале подчеркнем, что Теодор Ильич остается верен прежнему, аутентичному подходу к изучению текстов Маркса и Энгельса: тщательному уяснению того конкретного содержания, которое вкладывал в изучаемый текст его автор. Это и стало предпосылкой успеха первой его монографии о формировании философии марксизма.

Но аутентичность не противоречит критическому отношению к предмету, не идентична догматизму или апологетике. Сегодня Т.И. Ойзерман считает одним из основных заблуждений создателей марксизма их глубокую убежден-

ность в необходимости упразднения частной собственности на средства производства. Характеризуя деятельность Маркса в Париже в связи с изданием «Немецко-французских ежегодников» (конец 1843 – начало 1844 г.), автор отмечает, что Маркс уже тогда подчеркивал необходимость упразднения частной собственности, хотя не принимал утопизм коммунистов, которые сводили задачу к справедливому распределению произведенных благ, оставляя в стороне уровень их производства (см. с. 236–237).

В «Экономическо-философских рукописях»⁶ 1844 г. проблема частной собственности рассматривается Марксом как продукт отчужденного труда, что служит теоретическим обоснованием ее исторически преходящего характера. «Это положение было бы совершенно правильным, – отмечает Ойзерман в своей новой книге, – если бы Маркс признавал необходимость одновременного существования качественно различных форм собственности. Но в том-то и беда, что для Маркса и Энгельса, как и для их предшественников – утопических социалистов (и коммунистов) – ликвидация частной собственности представляется абсолютной необходимостью» (с. 275). Далее, в связи с тезисом Маркса о необходимости ее «положительного упразднения», Ойзерман поясняет: это предполагает высокий уровень капиталистического обобществления производительных сил, например, в форме акционерных компаний, аккумулирующих сбережения миллионов акционеров. «Поэтому Маркс в «Капитале» характеризует такие акционерные компании как упразднение частной собственности на средства производства в рамках капитализма» (с. 290).

Автор подчеркивает, что свою позицию Маркс характеризовал в то время как **реальный гуманизм**, а коммунизм и социализм рассматривал как пути к его осуществлению. Т.И. Ойзерман приходит к выводу: «Именно это обстоятельство, т.е. то, что сущностью марксистского коммунизма является реальный гуманизм, и образует действительное содержание марксизма, несмотря на несостоятельность утопического представления о будущем человечества» (с. 318).

Я согласен, что к концу данного этапа Маркс действительно обосновал **реальный гуманизм как мировоззренческий идеал**, или *базовую ценностную позицию*, в этом смысле сущность марксизма, но не все действительное его содержание. На мой взгляд, эту позицию составили *четыре ценности: человек*, его достойная

⁵ В книге о молодом Марксе я отметил относительно упомянутой статьи: «Судьба ее неизвестна; возможно, Маркс использовал ее при работе над рукописью 1843 г. (*Латин Н.И.* Молодой Маркс. М., 1986. С. 185).

⁶ Именно так названа эта работа Маркса в новейшем ее издании на языке оригинала, т.е. из прежнего ее названия исключены слова «1844 года» (см.: Marx – Engels – Gesamtausgabe (или MEGA-2), Vierte Abt., Bd.2. Berlin, 1981).

жизнь как высшая ценность, самоценность; **свобода** как неотъемлемый атрибут жизнедеятельности каждого человека, ограничиваемая лишь равной свободой других людей; **наука** как способ поиска обоснованных путей осуществления достойной жизни и свободы человека; **борьба за реализацию** этих терминальных ценностей (конечных целей) в жизни всего человечества, против угнетения любого человека, опираясь на научно обоснованные способы этой деятельности – как инструментальная ценность, фундаментальная норма поведения в соответствии с терминальными ценностями.

Факты всей последующей деятельности основателей марксизма – теоретической и практической – свидетельствуют об их верности этому мировоззренческому идеалу. Отнюдь не морализаторская позиция, а гуманистическое ядро **культурны**, включающее ценность научно обоснованной борьбы за реализацию достоинства человека и его свободы, составили базовое начало марксизма, его принципиальное отличие от просветительского гуманизма и исток его грандиозного влияния на жизнь трудящихся, всего человечества. На мой взгляд, это культурное основание марксизма воплощалось в различных конкретно-исторических формах. Очевидно, первой такой формой воплощения реального гуманизма стал пролетарский коммунизм, сформировавшийся к 1848 г.

Вторая глава монографии Т.И. Ойзермана фактически посвящена становлению этой формы (1845–1848 гг.). Как показывает автор, в данный период в основном завершается формирование материалистического понимания истории (но еще не материалистической диалектики) и политического учения марксизма, основ «научного коммунизма» (но еще не его экономической теории). По мере перехода к новым воззрениям нарастала и самокритика основателей марксизма: с одной стороны, они должны были частично отказываться от прежних своих взглядов, оценок, а с другой – сближаться с социалистами и коммунистами. Одновременно исследователь подверг переоценке ряд аспектов прежнего своего понимания этого процесса. Рассмотрим сначала философскую, затем экономическую и политическую составляющие этого этапа.

Как и в прежней монографии, Т.И. Ойзерман обстоятельно показывает, что в первом совместном труде – «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (1845) – основатели марксизма окончательно порывают с идеалистическими спекуляциями Бауэра и поддерживают материалистическую антропологию Фейербаха, но связывают «реальный гуманизм» с освободительным движением рабочего класса. Само жизненное положение пролетариата, лишенного собственности

на средства труда, преуказывает его историческое дело – полную ликвидацию такой частной собственности. Неизбежным итогом этого будет социалистическая революция как путь к реальному гуманизму.

Возражая Марксу, Бауэр объявил положения об исторической миссии пролетариата некритическими по отношению к рабочим, которые из-за монотонной физической работы не могут воспринять универсальные горизонты коммунистической революции. Ойзерман добавляет в новой монографии, что Бауэр и его последователи оказались не способны оценить исторические перспективы развития пролетариата, его классовой сознательности и способности к организованной борьбе с эксплуатацией и политическим гнетом. «И тем не менее, – добавляет автор, – они были правы, утверждая, что убеждение во всемирно-исторической миссии пролетариата носит в принципе утопический характер» (с. 346).

Еще в монографии 1962 г. ее автор привлек внимание специалистов к изложенной в «Святом семействе» историко-философской концепции, а теперь, в новой монографии привел модифицированную ее характеристику. Действительно, представляет немалый интерес обрисованная ретроспектива: от младогегельянцев к Гегелю и немецкому классическому идеализму в целом – как возрождению метафизики XVII в.; в этой метафизике осуществлена связь с положительными науками, которая была упразднена уже в начале XVIII в., когда положительные науки отделились от метафизики и обнаружилось, что метафизические системы вступили в конфликт с развитием научного знания, потеряли прежний кредит, а затем были побеждены французским материализмом XVIII в. «Именно в материализме Маркс и Энгельс видят подлинного и непримиримого противника метафизического системотворчества» (с. 347). В 40-х годах XIX в. против гегелевской и младогегельянской философии вновь выступил материализм – на этот раз как антропологизм Фейербаха. Подытоживая эту схему историко-философского процесса, «Маркс и Энгельс обосновывают свое отрицание философии (в старом смысле слова), т.е. отрицание противопоставления действительности якобы независимого от нее разума. Эта точка зрения формулируется как отрицание философии вообще», – резюмирует Т.И. Ойзерман (с. 357).

Признаюсь, у меня были ожидания, что в этой связи автор воспользуется концепцией плюрализма философских учений как специфического познавательного процесса, изложенной им в монографии «Философия как история философии». Во введении к ней автор ясно сказал: «Философия, в отличие от любой науки, каков бы ни был исторический уровень ее развития, существует, так сказать, во множественном чис-

ле»⁷. Затем уточнил: «плюрализм присутствует и в рамках каждого из основных философских направлений – материализма и идеализма»⁸. И подытожил: «Плюрализм философских учений – специфическая форма познания, развития философского знания, его обогащения новыми идеями, проблемами, выводами... В этом находит свое непосредственное выражение единство философии как историко-философского процесса»⁹.

Применимы ли эти выверенные положения к философии марксизма и процессу ее формирования? Я считаю: безусловно, да. Опираясь на опыт своих исследований развития взглядов молодого Маркса, я вижу высокий эвристический потенциал плюралистического подхода к изучению становления материалистической диалектики и соответствующего понимания истории. Исходный выбор Маркса между Кантом и Гегелем, его вхождение в круг младогегельянцев и исход из него, культ Фейербаха и разочарование в его антропологизме, не включающем социальную сущность человека, – это достойное движение Маркса в плюральном поле основных философских концепций своего времени, завершившееся разработкой материалистической диалектики как метода постижения человека, общества и природы, но не как единственно верного метода, а как одного из основных в нашу эпоху, взаимодействующего с другими. Поэтому исследование процесса становления философских воззрений Маркса и Энгельса в контексте плюрализма философских учений – интереснейшая исследовательская задача.

Одним из пробелов изучения этого процесса остается односторонняя аутентичность: обычно она достаточно реализуется в отношении основателей марксизма (их произведений и практических действий), но лишь в малой степени – в отношении тех, кому они оппонировали. Это видно уже по характеру сносок: позиции Бауэра, Штирнера, Прудона и других излагаются либо со ссылками на работы Маркса и Энгельса (т.е. заимствованы из вторых рук), либо вовсе без ссылок на источники. А об их практической деятельности почти ничего не говорится. Необходимо восстановить паритетную аутентичность. Следует также освободиться от брутальности оценок оппонентов марксизма: таких как «завершается идейный разгром», «с ним уже было покончено», «он не постиг», «совершенно игнорирует» и т.п.

В начале 1845 г. Маркс был выслан из Франции и переселился в Брюссель. Весной, когда

он вновь встретился с Энгельсом, в Европе уже ощущалось назревание революционной ситуации. Оба единомышленника усилили работу над объединением разрозненных коммунистических групп, существовавших в различных странах. Это требовало от Маркса и Энгельса новых аргументов, более обоснованных теоретически и вместе с тем понятных передовым рабочим, т.е. более конкретных, идущих от повседневной жизни, убеждающих в ошибочности позиций «истинных социалистов» и коммунистических сектантов. Словом, Маркс самокритично сознавал необходимость более глубокой и детальной разработки своих новых воззрений на историю.

Осмысливая вектор этой разработки, он для самого себя набросал знаменитые 11 тезисов о Фейербахе (опубликованы они были Энгельсом лишь через 5 лет после кончины Маркса). Они подробно проанализированы в обсуждаемой нами монографии. Ее автор с привлечением большого историко-философского материала показал их эвристическое значение при подготовке основ материалистического понимания истории: роль практики как одного из основных понятий гносеологии и социальной теории; осознание сущности человека как совокупности всех общественных отношений; утверждение не «гражданского», а *человеческого* общества в качестве точки зрения «нового материализма»; уяснение исторической задачи – не только объяснять, но и изменить существующее общество.

Вектором этих тезисов и пронизана «Немецкая идеология» (1845–1846) – второй совместный труд Маркса и Энгельса, в котором свое новое учение они назвали коммунизмом (а также «практическим материализмом»). По оценке Ойзермана, это «не разрыв с реальным гуманизмом, а лишь его новое наименование, едва ли более удачное» (с. 417). Действительно, это был не разрыв с реальным гуманизмом, а, добавим, поиск первой конкретно-исторической формы его воплощения в качестве политической силы, действительно стремящейся *реализовать* гуманизм.

«Немецкая идеология» весьма подробно рассмотрена Ойзерманом, в монографии ей посвящены шесть параграфов. Вместе с автором отметим, что в этом совместном труде Маркс и Энгельс впервые применили термин «материалистическое понимание истории» и сформулировали такие его категории: способ производства, производственные отношения, противоречие между производительными силами и производственными отношениями, базис и надстройка, общественное сознание, идеология, государственный строй и т.д. Обратим внимание на некоторые новые аспекты их рассмот-

⁷ Ойзерман Т.И. Философия как история философии. М., 1999. С. 5.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ Там же. С. 445.

рения, предложенные автором обсуждаемой монографии.

Так, Т.И. Ойзерман приводит содержащееся в «Немецкой идеологии» положение о революции как результате противоречия между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Однако, утверждает автор книги, «какого-либо конфликта между производительными силами буржуазного общества и капиталистическими производственными отношениями, вопреки многочисленным утверждениям Маркса, Энгельса и их последователей, не наблюдается. Нет, следовательно, экономической основы для так называемой коммунистической революции, понятие которой является одной из основных утопических характеристик марксизма» (с. 465). В качестве аргументов автор обращает внимание на некоторые факты: ряд стран перешли от феодализма к капитализму без революции; развитие производительных сил в условиях капитализма до сих пор сопровождается соответствующим изменением производственных отношений, и т.п. (см. с. 465–466).

Заметим, что в данном случае речь идет не только о философских положениях, но и о фундаментальных проблемах истории и современности, решение которых невозможно с помощью общих констатаций. Они достаточны для постановки проблемы. А при ее решении необходимо учитывать, что в мировой исторической и экономической науках выполнены разнообразные исследования, результаты которых в определенной мере подтверждают приведенные положения марксизма (хотя не всегда и не во всем). Их нельзя упразднить, сказав, что это всего лишь «многочисленные утверждения» последователей Маркса и Энгельса (если такими последователями считать не одних догматичных «истматчиков» и апологетов «научного коммунизма»). Поэтому важно подчеркнуть необходимость тщательных научных исследований, которые бы доказали ошибочность рго-марксовских исследований (или подтвердили правоту Маркса) и обосновали иные причины революций, совершавшихся при переходе от одного типа общества к другому, если таковые причины будут обнаружены.

Иной, собственно философский характер имеет рассмотрение Т.И. Ойзерманом понятия *идеология* и его использования Марксом и Энгельсом в отношении *немецкой* философии (сочетание выделенных слов образуют название труда «Немецкая идеология»). Автор констатирует: «В «Немецкой идеологии» философия от Канта до Гегеля и Фейербаха характеризуется как *идеология*. Маркс и Энгельс употребляют понятие идеологии в негативном смысле, определяя ее как ложное, иллюзорное сознание...

Маркс и Энгельс называют идеологией общественное сознание преимущественно имущих, экономически или политически господствующих классов». Такой подход к немецкой классической философии как философскому направлению – «свидетельство отрицательного к нему отношения». Более того, авторы «Немецкой идеологии» вообще не видят в этом направлении «какого-либо *положительного* содержания» (с. 428–429, 430, 432). И в целом в «Немецкой идеологии» «создаваемое Марксом и Энгельсом материалистическое понимание истории трактуется как радикальное отрицание какой бы то ни было философии» (с. 471). Впрочем, «философии все же предоставляется какое-то место в системе знаний»: сведение воедино наиболее общих результатов развития истории и природы; в этом пространстве и «возник *диалектический материализм*» (там же). Его создали не Маркс и Энгельс («Маркс ни разу не говорил где бы то ни было о диалектическом материализме»), а Плеханов и затем Деборин – «в процессе усвоения и популяризации философского раздела «Анти-Дюринга»», также и многие авторы учебников по философии марксизма в СССР и за рубежом (см. с. 471, 472).

Эти и подобные оценки позволяют предположить, будто автор тоже негативно относится к термину «диалектический материализм» и полагает, что у Маркса сформировалось и в дальнейшем сохранилось негативное отношение к философии вообще. Но это не соответствует развернутому изложению Т.И. Ойзерманом своей позиции по данной проблеме в ранее изданной книге «Марксизм и утопизм». В ее главе «Опыт критического осмысления диалектического материализма» он отмечает, что выражение «диалектический материализм» ввел в научный оборот И. Дицген¹⁰. А затем, рассмотрев вплоть до «Капитала» эволюцию отношения Маркса к диалектическому методу, а также отношение Энгельса к законам диалектики в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», Т.И. Ойзерман пришел к заключению, что «предметом диалектического материализма являются не пресловутые «законы диалектики», а гипотетически полагаемый всеобщий диалектический процесс, содержание которого образуют установленные науками факты: движение, изменение, развитие в природе, обществе, познании»¹¹.

Этот вывод имеет прямое отношение к исследованию формирования философии марксизма. Во-первых, он содержит позитивный ответ на вопрос о наличии в марксизме своей философии, несмотря на «отрицание» философии в не-

¹⁰ Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 116.

¹¹ Там же. С. 125.

которых трудах его основоположников, начиная с 1845 г. Во-вторых, он по-новому ставит проблему содержания философии зрелого и позднего марксизма и, по сути, отодвигает завершение формирования этой философии ко времени работы Маркса над первым томом «Капитала»; во всяком случае, такая гипотеза получает право на проверку¹². В-третьих, в этом контексте более весомый характер приобретает поворот Маркса к признанию *диалектики как метода исследования объективных противоречий* социально-экономического процесса, – поворот, который наметился в «Нищете философии» (1847), но в полной мере Маркс уяснил его познавательно-методологическое значение лишь при работе над «Капиталом»¹³.

При этом требует анализа вопрос о статусе материалистического понимания истории. С одной стороны, его открытие завершило материализм, распространив его на человека и общество, и тем самым создало предпосылки для формирования материалистической диалектики как универсального метода познания. С другой стороны, это теория *общества*, т.е. ее предметом служит лишь одна из составляющих предмета диалектического материализма, а сама она нуждается в диалектическом методе. Налицо противоречие. Возможно, это сущностное противоречие диалектического материализма, или материалистической диалектики, а его решение состоит в признании материалистического понимания истории как социальной философии

¹² Вместе с тем Ойзерман обратил внимание на то, что *начался* этот процесс значительно раньше: уже при анализе «Святого семейства» и «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс *«рассуждают диалектически»*, т.е. прослеживают процесс развития, вскрывают внутренние присущие ему противоречия, показывают взаимообусловленность взаимоисключающих, но взаимозависимых противоположностей. Нельзя ли это объяснить бессознательным освоением гегелевской диалектики?» (с. 452).

¹³ Неудивительно, что значение диалектики как логики познания структуры и динамики сложных объектов (от человека до общества и Вселенной) не сознавали несколько поколений марксистов. Лишь в середине 50-х годов XX в. зная диалектической логики подняли выдающиеся отечественные философы – Э.В. Ильенков, А.А. Зиновьев, Б.А. Грушин и их сподвижники В.А. Лекторский, В.Н. Садовский, В.С. Швырев и др. Лишь с этого времени становится достоянием мировой философской мысли фундаментальный вклад основоположников марксизма в современную философию – положенное ими начало синтеза достижений материализма и идеализма.

марксизма. Предстоит также уяснить его соотношение с социальной философией других направлений современной философии. Возможно и иное решение: в процессе формирования материалистической диалектики (диалектического материализма) материалистическое понимание истории выполнило свою эвристическую функцию, придав завершенность диалектическому материализму, а в дальнейшем стало эволюционировать как общая социальная теория. Желательно проверить и эту гипотезу.

Началом такого отпочкования можно считать письмо Маркса известному в демократических кругах России середины XIX в. публицисту П.В. Анненкову, который познакомился с Марксом еще в Париже. Это письмо датировано 28 декабря 1846 г. и представляет собой, с одной стороны, резюме известных положений «Немецкой идеологии», а с другой – «замечательный набросок выдающегося произведения марксизма – “Нищеты философии” (с. 507). Чтобы были понятны последующие мои оценки, приведу ключевой текст этого письма, воспроизведенный и в обсуждаемой монографии (с. 523):

«Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления...»¹⁴ Далее Маркс концентрированно изложил материалистическое понимание структуры общества. Нетрудно заметить близость этого изложения содержанию предисловия к «К критике политической экономии».

Добавлю, что фундаментальный вопрос: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма?», – был и остается обсуждаемым в социальных теориях различных направлений. Ответы на него, близкие тому, который дал Маркс, но без ссылок на него, разделяют: Ф. Теннис в классической работе «Общность и общество», Г. Зиммель в известной книге «Социальная дифференциация», П. Сорокин в учебнике «Система социологии»¹⁵. Это ли не свидетельства продуктивности материалистического понимания истории как общей социальной теории, исходные положения которой оказываются близки выдающимся представителям различных направлений социальной мысли?

Логике приведенного текста Маркса нередко характеризуют как экономический детерминизм. Но требуется прояснить соотношение понятий

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402.

¹⁵ Подробнее см.: Латин Н.И. Общая социология. Изд. 2-е, доп. М., 2009. С. 23–26.

«производительные силы» и «способ производства» с понятием «культура». Согласно Марксу, производительные силы – это орудия и иные средства трудовой деятельности, а также необходимые для их использования знания, умения, навыки трудящихся. Культура, в современном ее понимании, есть совокупность ценностей и норм, способов и результатов деятельности человека, единство духовного и материального; по сути, она включает то, что Маркс называл производительными силами (способы деятельности, знания, умения), но имеет более широкое содержание. Следовательно, способ производства, как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений, есть также диалектическое единство культуры и социальной (отношений между людьми в процессе их деятельности) в основной, производственной сфере жизнедеятельности людей. Такое понимание снимает сложившееся представление об узком, экономико-детерминистском содержании способа производства (шире, способа жизнедеятельности людей), придает эвристический характер этой категории марксистской социальной философии (или общей социальной теории).

Теперь кратко остановимся на некоторых аспектах становления экономического учения марксизма, представленных во второй части обсуждаемой монографии. Прежде всего Марксу пришлось реагировать на новую книгу Прудона «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Ее автор противопоставил «плохой» капиталистической собственности «хорошую» (справедливую) частную собственность ремесленников; в пролетариях он видел пауперов, способных лишь на бунты слепой толпы. В памфлете «Нищета философии», написанном по-французски и изданном в середине 1847 г., Маркс показал поверхностность восприятия Прудоном гегелевской диалектики (усвоил “лишь ее язык”), произвольность его представлений о «системе» экономических противоречий и ограниченность его исторических воззрений, которые не позволили ему увидеть за нищетой пролетариата призвание его как революционной силы.

Примечательно подытоживающее добавление Т.И. Ойзермана: «Работа Маркса «Нищета философии» – блестящий памфлет, замечательная конкретизация материалистического понимания истории, материалистическая интерпретация гегелевской диалектики... Что касается *политического* воздействия этого гениального произведения на рабочее движение Франции, то оно в силу ряда исторических причин оказалось незначительным ... Само собой разумеется, что это существенное обстоятельство несколько не умаляет значения данного произведения Маркса в истории марксизма» (с. 526–527).

Важную роль в обосновании близости революции сыграла книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845). Материалами для нее послужили прежде всего многочисленные наблюдения и беседы молодого автора с рабочими Манчестера, где Энгельс, по поручению отца, в 1843–1844 гг. выполнял обязанности клерка в небольшой фабрике. Но написана эта книга была после возвращения из Англии, в родном городе Бармене, где, как Энгельс писал Марксу, он «зарылся с головой в английские газеты и книги», изучая многочисленные официальные и неофициальные документы и источники¹⁶.

Энгельс нарисовал впечатляющие картины обнищания и недостойной человека жизни английских рабочих того времени. Т.И. Ойзерман отметил, что в этой книге вполне выявилась коренная особенность марксизма – отрицание априорных предпосылок при получении теоретических выводов. Главный из них: положение о том, что рабочий класс способен не только упразднить капитализм, но и построить бесклассовое общество. «И хотя действительный исторический процесс доказал, что пролетариат не стремится упразднить капиталистический строй, утопический (коммунистический) вывод Энгельса, как и все содержание марксизма, в значительной степени способствовало развертыванию организованной борьбы рабочего класса за коренное улучшение своего социального положения» (с. 395).

Добавим, что впервые эта книга была издана в 1845 г. на немецком языке, в Германии; но ситуация в этой стране стала похожей на английскую, по признанию Энгельса, лишь через сорок лет. Как и в США, где книга впервые была издана на английском языке в 1885 г. А в самой Англии она появилась лишь в 1892 г., когда жизнь рабочих стала там совсем иной – гораздо лучше, чем полвека назад, преимущественно под воздействием чартизма и профсоюзного движения. Такова, можно сказать, диалектика

¹⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 10. Многие факты почерпнуты Энгельсом из книг: либерала, врача Гаскелла «Промышленное население Англии, его моральные, социальные и физические условия и изменения, которые возникли в результате применения паровой машины. С исследованием детского труда»; фритредера Портера «Прогресс нации и ее различные социальные и экономические отношения с начала XIX века до настоящего времени», в трех томах; Кэя «Моральные и физические условия рабочего класса в хлопчатобумажной промышленности Манчестера»; Юра «Философия фабрики» и др. (см.: *Малыш А.И.* Формирование марксистской политической экономии. М., 1966. С. 115–116).

революционной теории и эволюции социальной практики.

Обратимся к заключительному разделу обсуждаемой монографии, который посвящен завершающему этапу формирования политической концепции марксизма – «Манифесту Коммунистической партии» (февраль 1848 г.). По оценке автора, именно в этом разделе сосредоточены его новые характеристики и оценки процесса возникновения марксизма с позиций его самокритики.

Т.И. Ойзерман разделяет общее мнение, что «Манифест» – гениальное произведение. Но возражает против оценки его В.И. Лениным как произведения зрелого марксизма. Он утверждает, что это «произведение *раннего* марксизма», поскольку еще не была создана марксистская политическая экономия, а материалистическое понимание истории, как оно изложено в «Немецкой идеологии», представляло собой «скорее эскиз». И вообще, по мнению Т.И. Ойзермана, «никакой Коммунистической партии еще не существовало», а в «Манифесте» истина соседствовала с заблуждениями (см. с. 536–538, 547).

Вопреки оценкам В.И. Ленина, пролетарская революция рассматривалась в «Манифесте» как утверждение демократии, а не диктатуры (см. с. 543–544). Но необоснованной была ориентация его авторов на безотлагательность социалистической революции. Обладая все еще ограниченными представлениями об экономике капитализма, Маркс и Энгельс ошибочно считали, что капитализм уже сыграл свою историческую роль. Они, подобно Сисмонди, видели в экономических кризисах свидетельство несостоятельности капитализма и близкой его гибели (см. с. 544–545). Его несостоятельность они видели и в наблюдавшемся тогда катастрофическом снижении жизненного уровня рабочего класса (см. с. 546).

Выводы «Манифеста», по оценке автора монографии, были утопичными: капиталистические производственные отношения уже стали

слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство, грядет конец господству капиталистов. Вместе с тем, подчеркивает автор, «Манифест» «представляет собой *провидческий* анализ всемирно-исторического развития, гениальное предвосхищение *глобализации* экономики и культур» (с. 549).

«Манифест» был напечатан в Лондоне, где уже не было цензуры. Но часть тиража, направлявшегося в Германию, была конфискована на границе. Тем не менее «Манифест» получил распространение и произвел впечатление интеллектуальной молнии. Так совпало, что буквально через неделю после его публикации в странах континентальной Европы раздался гром пушек буржуазно-демократических революций. Энгельс стал одним из канониров, действовавших на поле битвы в Германии. А последовавшее поражение революций Маркс и Энгельс интерпретировали как следствие того, что революции не были ориентированы на перманентное их перерастание в социалистические.

Основоположники марксизма до конца жизни сохранили убеждение в верности положений «Манифеста». У автора монографии это вызывает недоумение, «поскольку в 70-е гг. взгляды основоположников марксизма по самым важным вопросам *весьма существенно изменились*» (с. 560). Он выдвигает ряд предположений относительно причин приверженности Маркса и Энгельса положениям, не подтвержденным ходом истории, аргументирует свою позицию некоторыми фактами.

Эти проблемы весьма актуальны, но далеко выходят за границы темы «возникновение марксизма». Заканчивая свои размышления в связи с выходом новой книги Т.И. Ойзермана, я хочу еще раз выразить признательность ему за эту «самокритику», которая означает творческое переосмысление процесса возникновения марксизма и побуждает к исследованиям этого процесса с новых, современных позиций.

Член-корр. РАН *Н.И. Латин*

Г.Д. ЛЕВИН. **Истинность и рациональность.** М.: «КАНОН+», 2011, 224 с.

Теория истинности и теория рациональности до сих пор развиваются независимо друг от друга. Такой подход, естественный для начальных этапов исследований, сегодня, по мнению автора рецензируемой монографии, исчерпал свои возможности. Кризисное состояние обеих теорий общепризнано. Оно проявляется и в утверждениях, что мы присутствуем при кон-

чине классической теории истины, и в том, что неопределенность термина «рациональность» объявляют чуть ли не его дефинитивным признаком.

Средством выхода из этой ситуации автор считает устранение границы, разделяющей теорию истинности и теорию рациональности, объединение их в единую теорию. Это откроет,